

**Yannick Prost, *Le tiers-monde sort-il de l'arène internationale*,
Traduit en russe par Ekaterina Bélavina**

“Страны Третьего мира” сходят с международной арены? Йанник Прост

Все наперебой повторяли, что “Третьего мира” больше не существует, что он стал слишком сложной совокупностью, чтобы само понятие оставалось уместным, что биполярность спровоцировала расслоение, которое не вяжется с требованиями этого огромного Юга, неприсоединившегося ни к одному полюсу. Но, тем не менее, отказаться от такого удобного понятия никто не решался, по сути, под него можно подвести все, что угодно. Окончание холодной войны не устранило, а лишь усложнило его: общие характеристики – низкий уровень жизни на душу населения, экономическая ткань, в основном зависящая от импульсных экономических центров, расположенных в развитых регионах, важное место традиции в обществах, с трудом справляющихся с переходом к современности, зачастую недостаточно демократичная политическая система – заставили снова задуматься об условиях экономического развития в рамках мондиализации, но также об их месте в международной перекраивающейся системе, где вырисовываются новые периферии и окраины, остающиеся незначимыми для гегемонических государств, и мы можем видеть повторение гуманитарных конфликтов и драм.

Иллюзии сторонников солидарности со странами Третьего мира или социалистов были похоронены между провалом утопий и потерянным десятилетием 1980-х годов. Развал государств (Эфиопия, Сомали, Либерия с конца 1980-х годов), несостоятельные попытки управления, потерпевшие неудачу (индустриализация Алжира, латиноамериканские модели развития, африканский социализм), расцвет нео-либеральной идеологии показали экономически отстающим нациям, что следует проводить необходимую демократизацию параллельно с радикальной экономической реформой, чтобы воспользоваться мондиализацией, извлечь из нее выгоду.

Несмотря на резкий переворот в мире, страны Третьего мира, казалось, продолжали представлять некое расплывчатое целое, но в настоящее время более или менее неофициальное, но не пассивное, опирающееся на альтермондиалистское сознание части общественного мнения Севера, чтобы выразить позицию протеста: во-первых, демократизация обществ должна находить продолжение в демократизации международного сообщества, это продолжение старого спора об отношениях Север-Юг, оставшихся неравными, несмотря на преобладание стран Юга в международных организациях. Во-вторых, рост и усугубление дисфункций в работе мондиализованной экономики, ее побочные негативные эффекты в плохо подготовленных регионах вызвали жесткую критику стратегий, превозносимых финансовыми международными организациями, – за которыми стоят Соединенные Штаты – что представляет собой, возможно, костяк международного альянса между негосударственными участниками и государствами разной величины и с очень различными интересами. Подтвердились эти

тенденции ли в последние годы? Может ли Третий мир еще заставить услышать свое мнение, удастся ли ему вписать себя в календарь международных отношений, опираясь на многообещающие коалиции? Очень сомнительно.

Эволюция мировой экономики разделяет лагерь Третьего мира и смещает центр его планов

Мондиализация уменьшает шансы, что будет создан новый всемирный экономический порядок на основе переговоров

Требование “Нового экономического международного порядка” (1974 г.) собрало большинство голосов государств международного сообщества. Он должен был бы восстановить равновесие между Севером и Югом и позволить лучшее перераспределение богатств. Как любая утопия, не опираясь ни на одно сдерживающее средство, он остался на стадии концепта переноса юридического равенства суверенных государств в экономическую сферу. Структуры и формулировки “Порядка” не были забыты, тем не менее: Движение несогласных, группа Г-77 и ЮНКТАД продолжили эту борьбу, но их голос все менее и менее заметен.

Третий мир продолжал существование, хотя развитие уже изменило ситуацию, сложившуюся в начале 90-х годов: страны с промежуточным доходом и быстроразвивающиеся страны расщепили эту общность. Государства Третьего мира, казалось, хорошо справлялись с ситуацией: их вес на международных рынках увеличивался, они конкурировали с крупными развитыми государствами, включая иногда политические вопросы (коллективной безопасности: роль Китая); тем не менее, значительная часть их населения жила за чертой бедности, целые пласты общества не были затронуты современностью, что ослабляло социальные и политические структуры и ставило под вопрос саму идею такого развития. Все же, для быстроразвивающихся стран характерно использование возможностей, которые предоставляет мондиализация, они принимают значительную часть общих правил: открытость рынков, либерализация, приватизация, стратегические вложения в образование и инфраструктуры. Эти государства, при набирающем темп экономическом росте, продолжали поддерживать выступления Юга против существующего порядка. Но они становились все менее убедительными по мере того, как их сравнительное превосходство и вхождение в экономику сетей заставляло их принимать совершенно другую логику действий. Их предприятия стали мультинациональными, участниками в глобальной стратегии фирм Infosys (Индия), CRVD (Бразилия), Споос (китайская нефтяная компания), например. Тогда смысл их речей изменился; с этого момента их требования направлены на условия вхождения в такую экономику, они настаивают на соблюдении правил либерализма их партнерами, а не на их пересмотре. Стабильная окружающая среда, хороший уровень

образования, узлы на транспортных осях предстают теперь как главные козыри. Новые индустриализованные страны больше не являются членами Юга с 1990-х годов, и новая группа, казалось, пойдет тому же пути: Бразилия, Мексика, Аргентина, Турция, Таиланд, Китай, Малайзия, Индия и т.д.

Соглашение Вашингтона, которое структурировало стратегии, перевозносимые многими специалистами (англо-саксонскими) и финансовыми международными организациями, не было догмой, как это часто представляли, и подвергалось жестокой критике. Политические расчеты на местном уровне, интересы правящих классов и природа популистских систем часто представляли опасные препятствия для любой политики развития. Все же критика и реальные провалы повлияли на мышление в этой области, и в настоящее время вырисовывается новое соглашение. Оно обрело форму в последние несколько лет в новых рамках действий международных финансовых организаций (МФО): если ослабление регламентации остается сильной стороной требований к поставкам, отныне все признают, что и другие факторы играют важную роль: культура предприятия, соблюдение законов, безопасность, стабильность страны. А стабильность требует большей сплоченности в обществе, и, следовательно, уменьшения неравенства, необходимых затрат на социальные нужды для того, чтобы обеспечить первичные потребности слоев населения, находящихся в наименее благоприятных условиях. Рост экономики все более основывается на человеческом факторе, и делать ставку на низкую дешевую рабочую силу уже недостаточно: в Индии уже наблюдается дефицит квалифицированных рабочих. В более общем смысле, правовое государство становится необходимым для решения споров расходящихся интересов, во избежание социальных взрывов, ясно показывающих провал экономической модели (Индонезия, Аргентина, Венесуэла и т.д.) и для того, чтобы предоставить юридические рамки, внушить доверие партнерам внутри экономики сетей. Международные финансовые организации частично включились в этот процесс, особенно начиная с 1999-2000 гг.. (отчет *о Борьбе с бедностью*, Мировой банк, 2000). Быстроразвивающиеся державы сами отдают себе отчет в важности ставок: Китай понимает, что волнения в деревнях или трудовые конфликты могут на неопределенный срок подорвать его тенденции роста.

Без сомнения, многие государства Третьего мира не поддерживают это новое Соглашение, быть может, потому что в нем поднимается тема демократизации, как необходимое следствие правильного управления, что часто воспринимается как политика вмешательства или оскорбляющая многие нации, находящиеся в поиске сложного внутреннего равновесия.

Однако новый календарь действий международных финансовых организаций и их отступление на задний план по сравнению с нахальной гегемонией 80-х-90-х годов имеют тенденцию лишить страны Юга мобилизующего и удобного врага. Единомыслие и сплоченность Юга от этого несколько ослабли. Солидарность на политическом уровне часто представлялась как некий миф, но могла проявиться в рамках международной торговли. Именно в таком виде солидарность постоянно проявлялась в многосторонних переговорах, в особенности в начале тысячелетия (с 1999 г.). В целом, страны Юга обвиняют страны Севера в закрытости рынков, в частности, в сельскохозяйственной

области.

Тем не менее, хотя эта критика продолжалась, было очевидно, что единство Юга не могло долго продлиться. Вхождение в экономику сетей, и в частности, чтобы пользоваться деллокализацией, которую ведут страны Севера, вызывает конкуренцию между странами Юга. Отмена квот на ввоз текстиля в развитые страны показала, какое разорение может быть вызвано ... отказом от идущих рука об руку протекционизма и преимущественных соглашений для некоторых стран Юга. С 2005 г. в торговле текстилем Китай расплющил своих конкурентов. Пример с текстилем показателен для преимущественных соглашений, которые позволяли некой группе государств или регионов пользоваться привилегированным доступом к рынкам и давая им преимущества над остальными развивающимися экономиками, обеспечивая им, по крайней мере, нишу для роста. Многие государства стараются обезопасить себя от соревнования по средством двусторонних соглашений, ради которых они ведут переговоры при невыгодном соотношении сил. Спорные вопросы об общинных бананах, из-за которых Орган по разрешению споров (ОРС) осудил Евросоюз за то, что он предоставляет привилегии для доступа продуктов из стран Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, показывают столкновение логики Международной торговой организации с логикой двусторонних соглашений; но попытки организовать пространства привилегированного сотрудничества - это ответ Севера на запросы стран Третьего мира, которые приходят к столу переговоров порознь. Частично ради выгоды, частично из-за желания стабилизировать свою периферию, которой угрожает кризис, Европа (Евро-средиземноморское партнерство, так называемый Барселонский процесс, 1995 г.) и Северная Америка (ALENA, 1994) открыли зоны сотрудничества и свободного обмена. Развивающиеся страны опираются на самые динамичные быстроразвивающиеся страны: организация зоны свободного обмена на тихоокеанском побережье Азии или Меркосур, который стремится охватить Южную Америку.

Все же, региональные организации не позволяют создать единый фронт, создание переходных мостиков между ними идет крайне медленно: инициативы типа недавнего латино-арабского саммита (май 2005 г.) не убедительны, и тяготеют, скорее, к дипломатическому форуму, нежели к настоящему лоббированию, касающемуся Евросоюза или Соединенных Штатов.

В то время как формируются такие партнерства и организации, самые малообеспеченные и маргинальные государства оказываются забыты, а значит, еще более враждебны по отношению к остальному миру, который вырисовывается сегодня.

Даже на национальном уровне мондиализация имеет тенденцию разъединять динамичные и успешные районы и районы отстающие: в Китае деревни в центре страны от морского побережья, юго-восток Бразилии от северо-востока, мегаполис Мехико от деревенских штатов юга Мексики и т.д. Наподобие Войны Севера и Юга в США (1861-65 гг.), когда союз был раздираем расхождением экономических интересов, государства Юга должны поддерживать сложную социальную сплоченность, которая предполагает согласие между совершенно различными этносами и регионами. Так, причиной войны в Биафра – среди прочего - стала нефтяная манна небесная.

Некоторые глобальные цели и задачи поддерживают календарь событий Север-Юг

Если доступ товаров на рынки кажется самым показательным вопросом, тем не менее, это впечатление о мотивах, объединяющих страны Третьего мира, обманчиво, многие другие темы вписываются в сетку прочтения проблематики Север-Юг.

Общественная помощь развитию затрагивает лишь одну часть стран Третьего мира, но вопрос задолженности более важен и должен быть рассмотрен на двух уровнях. Во-первых, речь идет об уплате прошлого долга для тех, кто никогда не расплатится с долгами. Но возмещение высшего государственного долга самых бедных Государств имеет шансы быть решенным. Инициатива в пользу бедных стран с самой большой задолженностью (англ., НРС - Heavily Indebted Poor Countries) была предложена Большой Семеркой в Лионе в июне 1996 года и дополнена решениями Большой Восьмерки в июле 2005 в Gleneagles, 29 стран приняли решение, которое принесет временное облегчение и определит временные рамки погашения долга за следующие год или полтора. Односторонние шаги, даже если они отвечают консенсусу общественного мнения, по определению, не оставляют места для диалога, не представляют интереса, поскольку все карты находятся в руках кредиторов. Напротив, необходимо срочно подумать об условиях, чтобы не произошла новая сверхзадолженность.

Во-вторых, задолженность государств крупного размера со средним доходом продолжает вызывать беспокойство. Она возросла на 10 пунктов в среднем за 10 лет, достигнув эквивалента 70 % ВВП этих стран. После черной серии – Мексика (1994 г.), Азиатский кризис (1997 г.), Россия, Бразилия (1998 г.), Аргентина (2001 г.) – речь идет о том, чтобы избежать финансовых кризисов, облегчив доступ к капиталу, ресурсу в настоящее время более редкому, чем работа. Финансовая стабильность есть некоего рода общественное благо мирового сообщества, ради которого все развивающиеся страны должны объединиться и сотрудничать, чтобы вместе навязать свою точку зрения странам, которые обладают капиталом: отказаться от диктата международных финансовых организаций и поделить издержки кризисов - в частности устранив моральный риск для частных инвесторов. Новое определение международной финансовой архитектуры – это важнейшая область для сотрудничества, но здесь и происходят столкновения точек зрения стран Юга; вопрос усложняется при обращении долговых обязательств в ценные бумаги, которое разобщает собеседников и затрудняет выработку обсуждаемых решений. Случай Аргентины наглядно показывает сложности, представляемые новой конфигурацией. Тогда как ее рост возобновился с прежним поддерживаемым ритмом, Аргентина показывает очевидное нежелание возвращать долг. Все юридические меры, предпринятые физическими и юридическими лицами в странах Севера, оказались безрезультатными, а Международный валютный фонд (МВФ) не располагает средствами воздействия заставить Аргентину пойти на компромисс : Аргентина ускользает от обязательств по своему долгу. Некоторые в этом видят победу стран Третьего мира, но она вызывает много вопросов о доверии по кредиторской задолженности быстроразвивающихся стран в целом, и вообще, о возможностях их стабильного финансирования.

Участие в экономике знаний и технологий – это вторая мобилизующая цель. Это

участие предполагает значительные вложения, но также установление правил работы сетей, обмена и интеллектуальной собственности.

В области новых технологий информации и коммуникации (ИТ), что особенно важно, появилось заметное отставание за предыдущее десятилетие, и между странами Юга и Севера пролегла пропасть. Только быстроразвивающиеся страны со средним доходом смогли сохранить тот же ритм роста. Эта сфера потребует значительных вложений в этом десятилетии.

Но Интернет-сети, в большей степени чем инфраструктуры, становятся источником конфликтов: они затрагивают напрямую мировое управление и вопрос о месте, которое должны в нем занять развивающиеся страны. Американское доминирование через корневые сервера и ICANN оспаривается многими государствами, в частности Китаем, Ираном и Кубой. Цели и задачи значительны и для экономики Соединенных Штатов, чей рост основан главным образом на новых телекоммуникационных технологиях, и для государств, которые отказываются от этой виртуальной гегемонии, разрушительной для их безопасности. Два первых международных саммита по проблемам информационного общества (Женева 2003 г., Тунис 2005 г.) ясно сформулировали требования Юга перейти к проектам широкой кооперации и многостороннего управления инфраструктурами Интернета. Помимо этого, фрагментация сети на несовместимые части, лишь соединенные между собой, представляет опасность: некоторые государства, в частности авторитарные режимы Юга, будут заинтересованы в возникновении такого разлома, который позволил бы им лучше контролировать потоки информации и *in fine* свободу выражения. Фильтрация ресурсов системой Google по просьбе Beijing показывает, что быстроразвивающиеся державы могут привести мондиализацию к духу совершенно отличному от того, который привел к расцвету Интернета.

Интеллектуальная собственность – это третий аспект отношений Север-Юг, влияющий на определение экономики знания. Новый капитализм основан на преобладании нематериального капитала, требующего крупных начальных вложений и с незначительной прибыльностью. Кажется очевидным, что для того, чтобы приносить доход, такие предприятия должны пользоваться привилегиями. Защита интеллектуальной собственности является одним из предметов Соглашений по торговым аспектам права интеллектуальной собственности (TRIPS, 1995 г.). Эти договоры предполагают гибкие условия в пользу развивающихся стран, чтобы они могли ускорить рост новых технологий, но интерпретация и поле применения остаются предметом для обсуждения: соглашение о медикаментах, патент на производство которых принадлежит государству, был заключен после бурной полемики; в более общем смысле, правила TRIPS позволяют отступить от права на интеллектуальную собственность, чтобы защитить общественное здоровье (декларация Доха 2001 г.). Но где будет проведена грань между уступками, необходимыми для того, чтобы развивающиеся страны получали некоторые продукты и технологии для выхода из бедности и отсталости, и действиями тех, кто как бы мимоходом, потихоньку крадет плоды умственных усилий по исследованию и развитию, и, в конце концов, между грабежом капитала развитых стран по средством подделок?

Страны Юга сами разделяют обеспокоенность еще одним острым социальным вопросом: тогда как сила инерции демографической эволюции в купе с массовой миграцией из деревень бросает огромные ресурсы рабочей силы на городской рынок труда, угрожая социальной сплоченности при отсутствии адекватной системы защиты и компенсации, быстрое открытие рынков, требуемое Всемирной торговой организацией, рискует ухудшить за короткое время проблемы урегулирования спроса и предложения на рынке труда. Зияние это выражается в двух ощутимых явлениях: рост безработицы и иммиграция, которые отныне затрагивают отношения Север-Юг с особенной очевидностью.

Несмотря на то, что общественное мнение развитых стран обеспокоено делокализацией, конкуренция, навязанная быстроразвивающимися странами, в особенности, в не очень конкурентоспособном аграрном секторе, усиливает безработицу. Она возросла во всем мире, за исключением Северной Африки и Среднего Востока. В то время как волнения в деревнях затрагивают Латинскую Америку и Китай, а число конфликтов по поводу работы растет в китайских агломерациях, ведущие переговоры быстроразвивающихся стран не хотят подписывать никаких договоров, которые бы могли повредить их агрикультуре: речь идет не о проблеме торгового баланса, но о вопросах социальных и политических. Китай и Индия, как большинство развивающихся стран, страдают от нехватки квалифицированной рабочей силы, и в некоторых особо динамично развивающихся секторах, как *back office* в информатике, в настоящее время успешно внедренному в Индии, развитие тормозится из-за этого.

Этот феномен, не будучи единственной причиной иммиграции, является одним из ее мотивов. Даже если не все страны Юга являются поставщиками мигрантов, все обеспокоены судьбой нелегальных иммигрантов в странах Севера. Ужесточение миграционной политики, высылки и яркие картины уже построенных физических барьеров (зубчатые с башенками стены в Сеуте, стена на границе между США и Мексикой) ранят общественное сознание и отбрасывают к антиколониальным временам. Следует добавить, чтобы быть четкими, что эмиграция также имеет причиной несостоятельность обществ Юга и поиск более приятных или гуманных условий жизни, более заманчивых перспектив карьерного роста и развития личностных инициатив. Вечная американская мечта... Утечка мозгов – это старая тема, но она наберет остроту в ближайшие годы, когда потребность в рабочей силе, в талантах, сделает предложения по работе предприятий Севера еще более привлекательными. Иммиграция является, таким образом, выходом для оттока излишней рабочей силы и источником основных перемещений для некоторых экономик, но также и главным фактором, тормозящим развитие Юга. В странах Севера потребность в рабочей силе в некоторых секторах и необходимость остановить демографический спад не мешает сомневаться в возможности интеграции и ставить под вопрос способность систем социальной защиты и городского благоустройства адекватно реагировать. Наконец, все согласны, что незаконная иммиграция представляет собой человеческую драму (сотни утопленников на широте Канарских островов, сотни погибших в американской пустыне) и выгоду для мафиозных сетей. Вот почему необходимо сотрудничество. На глобальном уровне решить эти вопросы невозможно, поскольку аспекты проблемы слишком различны и специфичны

для некоторых стран и континентов. Кроме того, некоторые государства Юга оказываются в необычной ситуации, поскольку от них требуют остановить миграционные потоки, идущие через их территории (Марокко, Ливия). Чтобы выслать нелегальных иммигрантов необходимо, чтобы их признала их родная страна, что происходит не всегда – вот почему возникает странная ситуация, когда какое-нибудь государство отказывается от своих обязанностей, основного элемента суверенитета, но заявляет свои права, как только иммигрант обретает легальный статус (влияние на диаспору, односторонние трансферы). Конференция Европа-Африка по вопросам нелегальной иммиграции (Рабат, июль 2006 г.) собрала делегации из 57 стран, чтобы принять план действий, который предполагает создание эффективных систем для легализации эмигрантов, нелегально въехавших в Европу, организацию сотрудничества юридических служб и полиции, а также налоговое и финансовое поощрение для африканской диаспоры, чтобы она участвовала в развитии своих родных стран. США должны будут включиться в такой же диалог с Латинской Америкой. Их отношения с Мексикой уже находятся под влиянием неумелого управления Вашингтона, тогда как антимиграционное движение требует усиления законодательной основы (ср. проекты закона, обсуждаемые в течение 2006 года).

Противоречивые итоги действий мирового управления

Конец великого альянса стран Третьего мира

Великий альянс, который имел большое влияние в 60-х или 90-х годах, может зачахнуть. Он основывается на встрече между прогрессистским сознанием Севера и единым фронтом развивающихся стран. Итак, большая игра по ассигнованиям на работу и экономической деятельности разделяет население Севера и Юга, по крайней мере, создается такая видимость. Тем не менее, исламистское насилие и жестокость стран Юга, решительно непонятная, влияет на американскую позицию с начала 2000-х годов. Наконец, возможно, что разочарования в режимах Юга, родившиеся из осознания “губительных утопий” 1970-х годов, усиленные ощущением повсеместной коррупции и популизма, вызывают самый критический взгляд.

Все же нужно признать, что общественные гражданские организации представляли значительный вес на международной арене и в частности в отношениях Север-Юг за последние десять лет. Они были ведущим элементом, который позволил странам Юга реагировать на управление, которое цикл тысячелетия начинал прививать в ВТО. Они создали свою экспертизу, организовав свою сеть – Third World Network, Focus on the Global South – и часто оказывая экспертную поддержку государствам, располагающим достаточным количеством специалистов во время министерских конференций. Их деятельность была признана, в конце концов, Европейской комиссией, которая создала контактную группу с гражданским обществом (2000 г.).

Этот альянс основан на возвращении к либеральному взгляду на международную торговлю. Прежде всего, он требует большей справедливости при обмене, который должен опираться на специальные и отличающиеся подходы для развивающихся стран, с

правовой основой, содержащей отступления и оговорки (здравоохранение, индустрия, сельское хозяйство, инвестиции). С этого момента следует отказаться от новых торговых региональных соглашений по либерализации торговли типа Зоны свободного обмена между странами Американских континентов. Затем в ходе многосторонних переговоров нужно уточнить то, что будет относиться к сфере рыночной торговли, а что нет. И, наконец, необходимо реформировать учреждения мирового управления, признавая приоритет всемирного права: права человека, а также социальные права Всемирной Организации здоровья (ВОЗ), Международной Организации Труда (МОТ), окружающей среды, и т.д. Все-таки, приоритеты иногда расходятся: если развивающиеся страны не хотят больше субсидий и требуют возможности доступа к рынкам Севера, большая часть альтермондиалистов недовольна этой политикой и ратует за самостоятельность в области пищевых продуктов.

Но в самих государствах различия интересов, ситуаций и степеней власти ведут к распаду коалиции, и для стран Третьего мира не остается ничего, кроме риторики международных форумов. Коалиция то собирается, то распадается, в зависимости от того, что более выгодно и эффективно при лоббировании на международной арене. Региональные организации имеют вес, только если они находятся в струе какой-нибудь крупной державы – в этом интерес объединения Mercosur и отношения, которые оно пытается завязать с Европейским союзом. Крупные массовые организации, оставшиеся с 1960-х гг., выглядят неубедительно: группа Г-90 сосредоточена на протекционизме Севера; Движение несогласных не служит больше трибуной для анти-американского лагеря. Так, Гаванский саммит (сентябрь 2006 г.), объединивший представителей 118 государств, осудил израильское наступление на Ливан и высказался в поддержку мирного выхода из иранского кризиса ("право Ирана развивать применение ядерной энергии в мирных целях"), учредил постоянный секретариат в Нью-Йорке и назначил председательствовать на три года... Кубу. ЮНКТАД, со своей стороны, пытается организовывать цикл коммерческих переговоров для развивающихся стран, созывая министров торговли перед правительственными конференциями ВТО, но всем известно, что решения принимаются в другом месте. Группа-77 создала фонд Юга по развитию и гуманитарным действиям (Доха, июнь 2005), но кто будет его финансировать? Этот возврат к дипломатии мегафона напоминает неудачи 60-х-70-х годов, умножение уставов и резолюций, "нетвердого права", которое никак не может поменять отношение к силе и реальность ответственности лидеров Юга за собственные провалы.

"Тяжеловесы" Юга разыгрывают свои карты, перестают играть в команде: поскольку провал ООН и международных финансовых организаций стал благоприятным фактором возвращения к клубной дипломатии крупных держав Севера (П5 объединяет пять государств-членов постоянных Совета безопасности Большой Семерки), увязание в многосторонних "демократических" переговорах открывает путь к расширению согласного хора наций, имеющих вес. Группа Г-20, которая присоединила быстроразвивающиеся страны к Большой семерке, представляет собой внушительный список: Южная Корея, Турция, Индия, Бразилия, Южная Африка, Аргентина, Саудовская Аравия, Мексика, Китай и т.д. Китай нужно выделить в особую категорию: это держава, которую сейчас нельзя не принимать во внимание (стратегический партнер

Европейского союза и Соединенных штатов), со 1000 миллиардами долларов резерва для обмена, но общество этой страны еще далеко не вышло из состояния отсталости.

Каждая страна ведет национальную политику, пытаясь вписать ее в коалиции по интересам, в тематику календаря событий Север-Юг, а также в глобальный процесс. Речь в пользу Юга не остается на периферии: триада Южная Африка-Индия-Бразилия представляет собой выражение мнения населения развивающихся стран, но и диалог сильных держав. Речь идет в настоящий момент главным образом о координации позиций перед большими саммитами, в частности, перед саммитами ВТО. Саммит Юг-Юг Бразилии (13 сентября 2006 г.) рассматривал все-таки и другие вопросы: место постоянного члена в Совете Безопасности для одного из государств Юга, подписание соглашения о свободной торговле между Меркосуром, Южноафриканским таможенным союзом (SACU) и Индией, а также сотрудничество в области мирного атома в рамках Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Тон выступлений становится более сдержанным, на смену голосам революционных лидеров пришел голос держав и ответственность. Таким образом, уделом для не вошедших в этот расширенный клуб остается лишь примыкание, популизм или же классические речи пролетарских народов, эксплуатируемых Севером. В последние годы это недовольство мировым порядком выражается в трех факторах: обновление исламизма, выступления против неокOLONиализма в Африке и левый популизм в Латинской Америке.

Южные государства стремятся реформировать важнейшие международные организации

Уже давно, пользуясь своим численным преимуществом голосов, которое следует из юридического равенства суверенных государств, государства Юга осаждают стены международных инстанций, выражая свое желание пересмотреть устройство международной системы. Вот в чем причина несостоятельности многосторонности: ирреалистичный принцип равенства между Фиджи и США или, что еще более существенно, Ливией и страной с развитой демократией, обрекал все международные форумы на бессилие. Вот почему единственные организации, которые способны действовать – Совет Безопасности, Большая семерка и МВФ - остались закрытыми за исключением ВТО, но сколько еще времени сможет продержаться это положение?

МВФ выражает равновесием голосов неравенство участия в международной валютной системе. Помимо ошибок диагностики и стратегии, его упрекали за то, что он не воплощает собой демократию, присущую гармоничному международному сообществу. Но что будет, если поставить банкротств или индивидов, находящихся на грани банкротства, к контролю административного совета какого-нибудь национального банка? Можно поспорить, что их решения не станут от этого более осмотрительны и наверняка приведут банк к банкротству. Все-таки, можно вполне законно заметить, что слишком сильное влияние американских деловых кругов и Министерства Финансов США вовлекли МВФ в отклонения от курса, которые всем небезызвестны. Требуется реформа и в его роли, и в функционировании. Группа Г24, созданная в 1971 году, чтобы привести голоса развивающихся стран в решения финансовых вопросов, может внести противоречия в

стан сторонников консервативной доктрины, но она никогда не имела реального веса, и ничто не предвещает изменений в этом вопросе. Зато переоценка квот представляет лучшее средство взять в расчет быстро развивающиеся державы. Так, первое перераспределение квот в пользу стран Юга принесло выгоду Китаю, Южной Корее, Мексике, Турции (сентябрь 2006 г.). Другие могут последовать за ними, но нужно еще прийти к общему мнению о расчете сил этих новых реальных финансовых участников.

Этот тип переоценки лег в основу создания группы G20, неформального расширения Большой Семерки (G7). Существование G7 часто критикуют по тем же причинам, которые оправдывают ее существование: реальная власть. Констатируя валютную нестабильность и неспособность международных финансовых организаций выступать единым фронтом, могущественные державы в этой области попытались скоординировать свои действия.

Подобный тип операций распространяется на другие сферы – такие как борьба с терроризмом или отмывание денег, но также и поддержание мира (Косово 1999 г.). Финансовая стабильность может быть рассмотрена как “международное общественное достояние”, которое требует гегемонии, чтобы укрепить политику: поддерживать открытость рынков, когда начинается кризис, обеспечивать приток ссуд, направленных против последствий кризисного цикла, работать над стабильностью обмена, координировать макроэкономическую политику и исполнять роль последнего работодателя. Гегемония может осуществляться одной державой или достаточно скоординированной группой держав. В данном случае группа должна открыться, чтобы включить быстроразвивающиеся страны и достигнет размера, критического для эффективности их действия... Группа G20 остается по сей день организацией с относительно скромными задачами, члены которой, не входящие в Большую Семерку, не включены в форум по финансовой стабильности (инстанция, координирующая действия международных финансовых организаций).

После конференции в Сиэтле в 1999 году страны Юга создали единый фронт, отказываясь от решений, оговоренных в Сингапуре, и требуя снижения помощи аграриям Севера. Однако вне сельскохозяйственного вопроса, коалиция реально не существует, альянсы *ad hoc* образуются по каждому переговорам по каждому сектору.

Даже по сельскохозяйственному вопросу расщепление Север-Юг стерлось с приходом группы Кернса, которая объединяет развитые и развивающиеся страны. Оспаривание защиты рынков и субсидий на сельское хозяйство на Севере собрали широкую коалицию против биполярной конкуренции между двумя продавцами, монополизирующими рынок, Европой и Америкой. Но если внимательнее рассмотреть, как организовано это оспаривание, становится снова видна анти-гегемоническая политика, которая характерна для быстроразвивающихся стран: ограниченные собрания (мини-министерские), включающие Китай, Бразилию, Индию и двух великих вышеупомянутых конкурентов-монополистов, или же расплывчатая Группа G-20 (не путать с финансовой группой G20) или некая группа G33, импульс которой задан узлом сил местного масштаба (Китай, Южная Африка, Индия, Бразилия и прочие). Если провал конференции в Канкуне в 2003 году был встречен как победа стран Юга, это еще не гарантия светлого будущего: без перспективы лучшего выхода на рынки Севера, государства Юга оказываются вынуждены

вести двусторонние переговоры с Евросоюзом или США. В любом случае надежды связанные с либерализацией рынков, которая должна бы принести такую выгоду экономикам стран Юга, совершенно недооценены последними исследованиями: рост производства коснется якобы развитых стран группы Кернса и Бразилии, Аргентины и Таиланда. Некоторые страны, а именно самые отстающие, видя, что преференциальный подход к ним ставится под вопрос, возможно, окажутся в совершенно невыгодном положении.

Наконец, мировое управление предпринимает попытку установить коллективную систему безопасности под эгидой Совета безопасности. Критика, которая оспаривает законность и условия создания таковой, нарастает со времен окончания холодной войны и, в частности, в связи с разочарованием, вызванным ростом числа разрозненных конфликтов. Его упрекают в том, что он отражает устаревший образ распределения сил в мире, исходя из доминирования Севера, что сейчас недопустимо. С этого момента следовало бы, чтобы каждый континент мог быть представлен постоянным членом, и новые державы тоже присутствовали. Список кандидатов обширен: Япония, Германия, Бразилия, Индия, Нигерия, Пакистан, Южная Африка, Индонезия и т.д. На формальном уровне согласия между пятью странами-постоянными членами Совета будет сложно добиться; впрочем, разногласия между кандидатами сделают вынесение решений затруднительным. Итак, принять всех не представляется возможным. Представительство тешит самолюбие каждой страны, но не улучшает работу международных механизмов. В том, что касается поддержания мира, более ценны эффективность и реализм. Для этого необходимо принять во внимание соотношения сил, а также реальное влияние и вес. Может быть, их преувеличивают в шатких обществах, незрелость структур которых влечет волну гражданского насилия (Южная Африка), финансовые кризисы и общественные напряжения (Бразилия, Аргентина, Мексика), центробежные силы и рост исламизма (Пакистан, Индонезия, Нигерия). Реформа права вето – самый разумный проект, но он повлечет за собой, вероятно, поддержание мира коалициями Севера. Несмотря на несовершенства, Совет безопасности добился некоторых успехов, и зрелость может быть тоже рассмотрена как преимущество в управлении кризисами.

Так, как любая коалиция, слишком разросшаяся и со слишком неопределенными интересами, союз стран Третьего мира расслоился; действительно, сама быстрая эволюция мира сбивает с курса такого рода альянсы, и если Юг пытается еще включиться в мировое управление, появление новой категории быстроразвивающихся стран усложняет систему Север-Юг, все более отходящую в прошлое. Миф продолжает существовать, быть может, потому, что он поддерживает надежды Юга и остается делом, за которое сражаться с Севером достойно уважения. Сплоченность бедных стран Третьего мира остается важным моментом для человеческого сознания. Зато отныне следует признать, что некоторые страны Юга играют немаловажную роль в играх сильных мира сего.

Яанник Прост

Агреже по истории и выпускник Высшей национальной школы администрации (ENA).
Высшее должностное лицо и доцент Института Политических исследований (IEP) в Париже,
он преподает также международные отношения в центре подготовки ENA. (университет
Париж-I, подготовительный центр министерства Экономики и Финансов).

Revue des revues, sélection de décembre 2007

Yannick Prost: « Le Tiers Monde, la fin d'un acteur des relations internationales ? »
article publié initialement dans *La Revue Internationale et Stratégique*, printemps 2007.

Traducteurs :

Anglais : Asha Puri
Arabe : Selmane Ayache
Chinois : Yan Suwei
Espagnol : Roberto Rueda Monreal
Russe : Ekaterina Belavina

Droits :

© Yannick Prost pour la version française
© Asha Puri /CEDUST de New Delhi
© Selmane Ayache /Bureau du Livre de l'Ambassade de France en Algérie pour la version arabe
© Yan Suwei /Centre culturel français de Pékin pour la version chinoise
© Roberto Rueda Monreal /Institut français d'Amérique latine pour la version espagnole
© Ekaterina Belavina /Centre culturel français de Moscou pour la version russe